

Н. М. Азарова
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
natazarova@gmail.com

ЖЕНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ЖЕНСКАЯ ГРАММАТИКА В ПОЭЗИИ МИСТИКОВ (Вениамин Блаженный и средневековая традиция)

Язык мистиков – это культурная система, и поэтому язык мистиков разных эпох, видоизменяясь и приспосабливаясь к уже существующим культурным системам, тем не менее обнаруживает явное типологическое сходство.

Под *культурной системой* мы понимаем способную к самоорганизации систему, в которой по определенным правилам циркулирует информация, прежде всего, языковая. Основное свойство культурной системы – ее динамичность, способность к перестройке и взаимодействию, что и позволяет говорить о процессах *аккомодации*.

Почти все поэты-мистики, и Вениамин Блаженный вписывается в этот ряд, это фигуры переходной эпохи, в том числе религиозного перехода и языкового билингвизма. Известные нам испанские христианские поэты-мистики – Луис де Леон, Хуан де ла Крус, св. Тереза и другие – происходили из конверсов, или новых христиан, но и 1960–90-е годы в России – переходная эпоха, когда многие поэты, обращаясь к христианству, по факту переходили в некий собственный вариант экуменизма, пантеизма или синкретической религии.

Тексты Вениамина Блаженного можно рассматривать как яркий пример трансляции типологических свойств языка мистики в поэзии конца XX века, что реализуется как в грамматической составляющей, в частности, в системе местоименной и отрицательной поэтики, так и в способе построения субъекта и в стратегии антидискурсивности.

Близость к женскому письму – одна из основных характеристик языка мистической поэзии (Раймонд Луллий, Хуан де ла Крус, св. Тереза, Луис де Леон). Обязательная адресованность – характерная черта поэзии мистиков, и адресатом поэзии и комментариев часто выступают женщины. Именно женская составляющая обуславливала тезис о том, что теология не едина и могут быть разные теологии.

Мистики разных культурных эпох предпочитают вернакуляр, то есть идиом, который значительная группа носителей языка использует в повседневной коммуникации, титульному языку. В Европе с XIII в. женщины вынужденно писали на романском вернакуляре, так как не знали или не должны были знать латынь. Так, св. Тереза скрывала свое блестящее образование, в частности то, что хорошо знает латынь и способна не только читать в оригинале, но и комментировать Писание.

В теологии мистиков вернакуляр в какой-то мере отождествлялся с языком женской религиозности, противоположной схоластике. Для мистики характерна специфическая герменевтическая ситуация, когда авторы сознают

необходимость *нового языка* для передачи своего непередаваемого личного опыта и реализации мистического алгоритма прямого общения с Богом. Св. Тереза называла вернакуляр, то есть романский, *новым языком*. Коммуникативная ситуация прямого общения с живым Богом описана Вениамином Блаженным: *Я изъяснялся диким слогом, / Но лишь на этом языке / Я говорил однажды с Богом*. Вернакуляр предоставляет гораздо больше возможностей для появления неожиданных или слегка неправильных сочетаний, которые, тем не менее, не осознаются как нарушения.

Язык мистики репродуцирует сквозь века ситуацию прямого общения человека и Бога, ситуацию сакрального соотношения мужского и женского начал, заложенные в «Песни песней».

Душа – это основное слово, основное понятие и основное устремление в языке мистики всех эпох, а диалог души с Богом становится основой структуры мистической лирики, определяя в том числе и особенности грамматики. Здесь играет определенную роль и грамматическая структура языков: если по-испански душа (*alma*) женского рода, то поэт, ведя диалог своей души с Богом по модели «Песни Песней», вольно или невольно оказывается в женской ситуации и может относить к себе женские грамматические формы. Женскую грамматику Хуана де ла Круса можно назвать экстремальной. Сан Хуан использует сюжет разговора между душой и Возлюбленным (Богом) как возможность писать о себе от имени души, ставя знак равенства между *Я* и *Душа*, то есть писать по-женски, в женских формах, от имени женщины, в женской грамматике. В формально-стиховедческом плане женская составляющая сказывается в преобладании сквозных ассонансов на *-a*.

Множественная субъективация у Блаженного, как у многих других мистиков, фундируется системной традицией метемпсихоза (переселения душ), то есть способностью души принимать многие образы, независимо от их гендерной и родовой принадлежности.

Вениамин Блаженный варьирует гендерную ситуацию. Первое отношение – *в круг Христа душа моя вступила* – душа (и сам поэт) выступает в женском роде, и, соответственно, Бог (Бог-Отец ли это или Христос, в данном случае неважно) мужского рода. Как и в «Песни песней», круг Бога – мужской, моя душа – женский. В конце текста Блаженный переворачивает эту ситуацию *с душою плотничьей сам-друг*, то есть сам-друг это *я*, субъект, мужское начало, а *плотничья душа*, женское начало, соответственно, Бог. Однако поэт с осторожностью использует по отношению к субъекту женские грамматические формы, стремясь нейтрализовать род и переходя на говорение о душе в третьем лице, или призывает на помощь слово *дух*, которое в русском языке удобного мужского рода.